

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава третья

в которой я запечатлел свой первый славный подвиг – спасение утопающей, его трагические последствия, некоторые свои мысли, а также дал описание повадок клилдасс

Зеленый приветливый лес остался позади. Все вокруг нас стало огромным и невиданным. По крутым склонам берегов с ревом и фырканием рыскали неведомые страшные животные. К счастью, на борту нашего парохода было двое таких, на которых можно было положиться: я и Фредриксон. Юксаре ничего не принимал всерьез, а интересы Шнырька не простирались дальше его банки из-под кофе. Мы поставили ее на баке, и она мало-помалу стала просыхать на солнце. Но самого Шнырька нам так никогда и не удалось отмыть дочиста, и он навсегда приобрел слабый розоватый оттенок.

Конечно, у Фредриксона нашлась на борту золотая краска – меня бы удивило, если бы у него не оказалось такой жизненно необходимой вещи, – и мы украсили пароход моей золоченой луковицей.

Пароход медленно продвигался вперед. Я чаще всего сидел в навигационной каюте и, слегка пощелкивая по anerоиду, с некоторым удивлением смотрел, как проплывают мимо берега. Иногда я выходил на капитанский мостик и бродил там в раздумье. Особенно нравилось мне думать о том, как поражена была бы Хемулиха, если б могла видеть меня, равноправного совладельца речного парохода, искателя приключений. По правде говоря, так ей и надо!

Однажды вечером мы вошли в глубокий пустынный залив.

– Не по душе мне этот залив, – заявил Юксаре. – Его вид вызывает Предчувствия.

– Предчувствия! – как-то странно произнес Фредриксон. – Племянник! Бросить якорь!

– Сейчас, сию минуту! – крикнул Шнырек и почему-то швырнул за борт огромную кастрюлю.

– Ты выбросил наш обед? – спросил я его.

– Какое несчастье! – воскликнул Шнырек. – Извините! В спешке так легко ошибиться! Я был ужасно взволнован... Ничего, вместо обеда получите желе – если только я его найду...

Все, что произошло, было в духе таких зверьков, как Шнырек.

А Юксаре, стоя у перил, блестящими глазами смотрел на берег. Сумерки быстро опускались на гребни гор, которые ровными пустынными рядами уходили к горизонту.

– Ну как там твои Предчувствия? – спросил я.

– Тише! – прошептал Юксаре. – Я что-то слышу... Я наострил уши, но услышал лишь, как слабый прибрежный ветер свистит в мачтах "Морского оркестра".

– Ничего, кроме ветра, – сказал я. – Пойдем зажжем керосиновую лампу.

– Я нашел желе! – закричал вдруг Шнырек и выскочил из банки с мисочкой в лапках.

И вот тут-то вечернюю тишину прорезал одинокий протяжный и дикий вой, от которого шерсть на затылке встала у всех дыбом.

Шнырек даже вскрикнул и выронил мисочку.

– Это Морра, – объяснил Юксаре. – Нынче ночью она поет свою охотничью песню.

– А она умеет плавать? – спросил я.

– Этого никто не знает, – ответил Фредриксон.

Морра охотилась в горах. Она страшно выла, и более дикого воя мне никогда не приводилось слышать. Вот вой стал стихать, потом вдруг приблизился к нам и наконец исчез...

Наступившая тишина была еще ужаснее. Мне показалось, что в свете восходящего месяца я вижу тень Морры, летящей над землей.

Потянуло холодом.

– Смотрите! – воскликнул Юксаре.

Кто-то примчался галопом на берег и стал в отчаянии метаться по нему.

– Вот этого, – мрачно изрек Фредриксон, – сейчас съедят.

– Только не на глазах у муми-тролля! – воскликнул я. – Я спасу его!

– Не успеешь, – охладил меня Фредриксон. Но я уже решил. Я влез на перила и торжественно произнес:

– Могилу безвестного искателя приключений не украшают венками, но вы хотя бы поставьте мне гранитный памятник с изображением двух плачущих Хемулих!

С этими словами я бросился в черную воду и нырнул под кастрюлю Шнырька. Кастрюля булькнула.

Бам! С достойным восхищения самообладанием вывалил я из нее жаркое. Затем быстро поплыл к берегу, подталкивая кастрюлю мордочкой.

– Наберитесь мужества! – кричал я. – К вам плывет Муми-тролль! Где это видано, чтобы морры безнаказанно поедали кого им вздумается?

С вершины горного склона с грохотом сорвались камни. Охотничья песнь Морры снова смолкла, слышалось лишь жаркое пыхтенье – все ближе, ближе, ближе...

– Прыгай в кастрюлю! – крикнул я несчастной жертве.

И тут же что-то плюхнулось, а кастрюля по ручки погрузилась в воду. Кто-то цеплялся в темноте за мой хвост... Я поджал его... Ха!

Славный подвиг! Герой-одиночка! Началось историческое отступление к пароходу "Морской оркестр", где в тревожном ожидании томились мои друзья.

Спасенный был тяжел, очень тяжел. Но я плыл со скоростью ветра. Под жалобный вой Морры, которая, стоя в одиночестве на берегу, выла от голода и злобы (как выяснилось, плавать она не умела), я одолел пролив, взобрался на борт, сполз на палубу, и, тяжело дыша, вытряхнул спасенного из кастрюли.

Фредриксон зажег керосиновую лампу – поглядеть, кого это я спас.

Я абсолютно уверен, что этот миг был одним из самых страшных моментов моей бурной молодости: передо мной на мокрой палубе сидела не кто иная, как Хемулиха! Как говорили в те времена – живая картина!

Я спас Хемулиху!

В первую минуту, испугавшись, я поднял хвост под углом в 45°, но вспомнив, что я вольный муми-тролль, беззаботно сказал:

– Привет! Вот это да! Вот так неожиданность! Никогда бы не подумал!

– Не подумал о чем? – спросила Хемулиха, выбирая куски жаркого из своего зонтика.

– Не подумал бы, что спасу вас, тетенька! – взволнованно произнес я. – То есть что вы, тетенька, будете спасены мной. Получили ли вы, тетенька, мое прощальное письмо?

– Я тебе не тетенька! – буркнула Хемулиха. – И никакого письма я не получала. Ты, наверное, не наклеил на конверт марку. Или написал неправильный адрес. Или забыл отправить письмо. Если ты вообще умеешь писать... – И, поправив шляпку, снисходительно добавила: – Но зато ты умеешь плавать!

– Вы знакомы? – осторожно спросил Юксаре.

– Нет, – сказала Хемулиха. – Я тетка той Хемулихи. – И вдруг спросила: – Кто это размазал желе по всему полу? Эй ты, ушастый, подай-ка мне тряпку, я приберу.

Фредриксон (потому что имелся в виду он) бросился за тряпкой и принес пижаму Юксаре.

– Я ужасно сердита, – объяснила тетка Хемулихи, вытирая пижамой палубу. – А в таких случаях единственное что помогает – уборка.

Мы молча стояли за ее спиной.

– Ну разве я не говорил, что у меня – Предчувствие? – пробормотал Юксаре.

Тут тетка Хемулихи повернула к нему свою некрасивую морду и рявкнула:

– Молчать! Ты слишком мал, чтобы курить. Тебе надо пить молоко, это полезно, и тогда лапы не будут дрожать, морда не пожелтеет, а хвост не облысеет. – И, обращаясь к нам, добавила: – Повезло вам, что меня спасли. Теперь я наведу здесь порядок!

– Взгляну-ка на anerоид! – заторопился вдруг Фредриксон и, юркнув в навигационную каюту, запер за собой дверь.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Но анероид, в страхе перед теткой Хемулихи, никак не мог показать правильное направление. Он исправился только после того, как кончилась эта история с клипдассами. Но об этом я расскажу ниже.

А у нас, увы, не осталось ни малейшей надежды избавиться от тетки Хемулихи, присутствия которой на корабле, по моему глубокому убеждению, никто из нас не заслужил.

– Про дальше я еще не успел написать, – обычным своим тоном сказал Муми-папа, вопросительно выглядывая из-за своих мемуаров.

– Знаешь что, – успокоил начинающего автора Муми-тролль, – я уже начинаю привыкать к тому, что ты употребляешь непонятные слова. А эта кастрюля, должно быть, была ужасно большая... А когда ты кончишь книгу, мы разбогатеем?

– Ужасно разбогатеем, – ответил Муми-папа.

– Надеюсь, мы разделим это богатство на всех? – спросил Снифф. – Ведь ты же написал про моего папу – Шнырька? Ты его вывел в герои этой книги? Он ведь у тебя – главный?

– А я считаю, что главный герой – Юксаре, – сказал Снусмумрик. – Это надо же, так поздно узнать, какой у тебя был замечательный папочка! И до чего приятно, что он похож на меня.

– Ваши несчастные папочки – только фон! – закричал Муми-тролль, слегка пнув лапой Сниффа. – Вы должны радоваться, что они вообще попали в книгу!

– Ты почему пнул меня? – заорал Снифф, ощетинив усы.

– Что тут делается? – Муми-мама выглянула из гостиной. – Вы чем-то расстроены?

– Папа читает вслух про свою жизнь, – объяснил Муми-тролль (подчеркнув слово "свою").

– Ну как, нравится? – спросила мама.

– Захватывающе!

– Ты совершенно прав, – мама улыбнулась сыну и сказала, обращаясь к папе: – Не читай только того, что может дать малышам неправильное представление об их родителях. Вместо этого говори: "многоточие..." Дать тебе трубку?

– Не разрешай ему курить! – завопил Снифф. – Тетка Хемулихи говорила, что от курения начинают дрожать лапы, желтеет морда и лысеет хвост!

– Ну-ну, не огорчайся! – успокоила малыша Муми-мама. – Муми-папа курил всю свою жизнь и не пожелтел, не облысел, да и лапы у него не дрожат...

Она подала папе его пенковую трубку, отворила окна и, напевая, вышла на кухню – варить кофе.

В открытое окно веранды ворвался вечерний морской ветерок.

– Как же вы могли забыть про Шнырька, когда спускали пароход на воду? – упрекнул Муми-папу Снифф. – Навел он когда-нибудь порядок в своей пуговичной коллекции?

– Разумеется, он не раз наводил в ней порядок, – отвечал папа. – И все время изобретал новую систему. Раскладывал пуговицы то по цвету или по величине, по форме или по материалу, а иногда в зависимости от того, насколько они ему нравились.

– Вот здорово! – мечтательно прошептал Снифф.

– Меня лично крайне огорчает то, что моему папаше измазали всю пижаму этим желе, – никак не мог успокоиться Снусмумрик. – В чем же он потом спал?

– В моих пижамах, – разъярил Муми-папа, пуская большие клубы дыма в потолок.

Снифф зевнул:

– Может, на летучих мышей поохотимся?

– Давайте! – поддержал его Снусмумрик.

– Пока, папа! – сказал Муми-тролль. Оставшись один, Муми-папа, немного поразмыслив, принялся снова писать...

А что ему еще было делать в таком сплошном одиночестве?

На следующее утро тетка Хемулихи проснулась в зверски хорошем настроении. Разбудив нас в шесть часов, она протрубила:

– Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро! Возьмемся за дело! Сначала небольшое состязание – штопаем носки: я только что заглянула в ваши ящики. Затем в награду за усердие несколько воспитательных игр. Это так полезно. А что там у нас для укрепления здоровья?

– Кофе, – на всякий случай сказал Шнырек.

– Каша, – сказала тетка. – Кофе пьют только в старости и еще, если страдают трясучкой.

– А я знаю одного, который умер от каши, – пробормотал Юксаре. – Она попала ему в горло, и он подавился.

– Любопытно, что бы сказали ваши папы и мамы, если б видели, что вы пьете кофе, – фырчала тетка Хемулихи. – Они бы заплакали! И вообще, как обстоит дело с вашим воспитанием? Вы воспитанны или нет? А может, вы так и родились трудновоспитуемыми?

– Я родился при самом необыкновенном сочетании звезд, – воспользовавшись паузой, вставил я. – Меня нашли в маленькой ракушке, дно которой было выстлано бархатом!

– Не желаю, чтобы меня воспитывали, – отчеканил Фредриксон. – Я – изобретатель и делаю, что хочу.

– Извините, – воскликнул Шнырек, – но мои папа и мама уже не смогут расплакаться. Они погибли во время генеральной уборки!

– Ха! – хмыкнул Юксаре, с угрожающим видом набивая свою трубку. – Терпеть не могу распоряжений. Они напоминают мне о стороже.

Тетка Хемулихи нас рассматривала и потом объявила:

– С этого дня заботиться о вас буду я!

– Тетенька, не надо! – запротестовали мы хором. Но она, покачив головой, с непреклонным видом произнесла:

– Это мой Долг.

После этих страшных слов тетка исчезла, и, без сомнения, для того, чтобы выдумать еще какую-нибудь новую воспитательную чертовщину.

Невероятно жалея друг друга, мы заползли в палатку на корме.

– Клянусь своим хвостом – никогда и никого больше не буду спасать! – воскликнул я.

– Правильно, – одобрил Юксаре. – Эта тетка способна почти на все. В любой момент она может вышвырнуть мою трубку за борт или запрячь меня в работу! Она может придумать все что угодно!

– Может, вернется Морра, – с надеждой в голосе прошептал Шнырек. – Или кто-нибудь другой, кто будет так добр и съест ее?

Извините! Я нехорошо сказал?

– Пожалуй, – откликнулся Фредриксон, но немного погодя добавил: – В этом, однако, что-то есть.

Мы погрузились в молчание, глубоко соболезнуя самим себе.

– Скорее бы стать взрослым! – размышлял я. – Взрослым и знаменитым! Тогда можно будет запросто справиться с этой теткой.

– А как стать знаменитым? – спросил меня Шнырек.

– По-моему, довольно легко! Нужно только сделать то, до чего никто другой еще не додумался... Или что-то старое вывернуть на новый лад...

– Что, например? – полюбопытствовал Юксаре.

– Например, летающий речной пароход, – пробормотал Фредриксон, и его маленькие глазки засветились.

– Не думаю, что быть знаменитым приятно, – размышлял вслух Юксаре. – Может, только в самом начале, а потом это становится совершенно обычным, а под конец от знаменитости голова кругом идет, точь-в-точь как бывает, если долго катаешься на карусели.

– А что такое карусель? – спросил я.

– Машина, – сразу оживился Фредриксон. – Вот так она работает. – И он достал ручку и бумагу.

Меня никогда не переставала удивлять преданность Фредриксона машинам. Они околдовали его. Я же, наоборот, ничего такого в них не находил. Водяное колесо – это еще куда ни шло, но даже обыкновенная застежка "молния" вызывает у меня недоверие. Юксаре знал одного, у которого брюки застегивались на "молнию". И вот однажды "молнию" заело, и она никогда больше не закрывалась. Вот ужас!

Я хотел было поделиться с друзьями своими размышлениями о застежках "молниях", но в этот самый момент мы услышали какой-то очень странный звук. Он напоминал глухое и отдаленное лязганье жестяной трубы. Нас это насторожило.

Фредриксон выглянул из палатки и мрачно произнес одно-единственное слово:

– Клипдассы!

Здесь необходимо кое-что объяснить. Пока мы обсуждали последние события, течение вынесло "Морской оркестр" в дельту реки, населенной клипдассами. Клипдассы – общительные животные, которые ненавидят одиночество. На речном дне они вырывают клыками каналы и образуют там, внизу, целые колонии. Их щупальцы оставляют после себя чуть клейкий след, из-за этого многие называют их клейкдассами и клейклапами.

Клипдассы чаще всего милы, но они беспрестанно грызут и кусают все подряд, все, что попадает им на глаза, особенно то, что они никогда прежде не видели. Кроме того, у клипдасс есть одна неприятная особенность: случается, что они откусывают чужой нос, если им

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

кажется, что нос этот слишком велик. Теперь вам, надеюсь, понятно, почему мы так забеспокоились?

– Сиди в банке! – крикнул Фредриксон своему племяннику.

"Морской оркестр" застрял в целом море клипдасс. Угрожающе размахивая бакенбардами, они разглядывали нас своими круглыми голубыми глазками.

– Расступитесь, будьте так добры, – попросил Фредриксон.

Но клипдассы только теснее смыкали кольцо вокруг речного парохода, а некоторые уже начали вползать на борт. Когда первый из них вскарабкался на перила, за навигационной каютой появилась тетка Хемулихи.

– В чем дело? – завопила она. – Это еще что за типы? Вход абсолютно запрещен, я не могу допустить, чтобы эта пакость помешала нашим воспитательным мероприятиям!

– Не пугай их! Они рассердятся, – предупредил Фредриксон.

– Это я рассердилась! Вон! Вон отсюда! Прочь! – закричала тетка Хемулихи и принялась колотить клипдасс – тех, что поближе к ней, – по головам.

Клипдассы тотчас обратили взгляды на тетку Хемулихи.

Затихнувшее было глухое лязганье возобновилось с новой силой. И тут...

Все произошло с невероятной быстротой. Тысячи кишащих на палубе клипдасс ринулись через перила в воду, унося на своих спинках, будто на живом ковре, тетку Хемулихи. Дико крича и размахивая зонтиком, она перевалилась через поручни, и вся компания сгинула в неизвестности...

Снова все стало тихо и мирно. "Морской оркестр" поплыл дальше, словно ничего и не произошло.

– М-да... – протянул Юксаре и обратился ко мне: – Ты не собираешься снова ее спасти?

Рыцарские чувства призывали меня тотчас поспешить на выручку тетки Хемулихи, но мои дурные врожденные наклонности подсказывали: это ни к чему. И я пробормотал, что, дескать, уже слишком поздно. (Так оно, впрочем, и было.)

– Вот и конец ей, – философски заметил Юксаре.

– Печальная история, – согласился я.

– Извините! Это я виноват? – спросил Шнырек. – Это я первый сказал: пусть кто-нибудь сжалится над нами и съест ее! А что, это дурно, что мы ни капельки не расстраиваемся? Никто ему не ответил.

Я спрашиваю вас, дорогие читатели, что бы вы сделали в таком щекотливом положении?

Ведь я уже спас эту тетку один раз, а морры куда хуже, чем клипдассы, которые, вообще говоря, довольно добрые... Может, это для тетки Хемулихи только небольшая перемена обстановки? Может, они ей только немного подгрызут физиономию и от этого вид у нее станет более приятный? Как вы думаете?

Что бы там ни было, солнце светило по-прежнему, а мы драили палубу (она стала совсем клейкой от нашествия клипдасс) и прихлебывали хороший черный кофе. "Морской оркестр" скользил среди бесчисленных островков.

– Им когда-нибудь будет конец? – спросил я. – Куда мы приплывем потом?

– Куда-нибудь... или так... никуда, – произнес Юксаре, набивая свою трубку. – И зачем? Ведь нам и здесь хорошо?

Не буду отрицать, что нам было хорошо, но я стремился дальше! Мне хотелось чего-нибудь новенького. Что угодно, но только пусть что-нибудь случится (конечно, кроме нашествия хемулей).

У меня было ужасное ощущение, что все великие приключения непрерывно случаются, сменяя друг друга, где-то там, где меня нет. Необычайные приключения, которые никогда больше не повторятся. Я торопился, ужасно торопился! Стоя на носу, я нетерпеливо вглядывался в будущее, осваивая результаты Опыта, который успел уже приобрести. Их было пока семь. Вот какие:

1. Следи за тем, чтобы дети муми-троллей рождались в благоприятный с точки зрения астрологии момент, и обеспечь им романтическое вступление в мир. (Положительный пример: мой талант. Отрицательный: хозяйственная сумка.)

2. Не рассказывай о хемулях тем, кто торопится. (Положительный пример: Фредриксон. Отрицательный: Ежиха.)

3. Никогда не знаешь, что может попасть в сеть! (Положительный пример: анероид Фредриксона.)

4. Никогда не крась вещи только потому, что у тебя осталась краска. (Отрицательный пример: банка Шнырька.)

5. Не бойся никого, даже если этот кто-то очень большой. (Положительный пример: дронт Эдвард.)

6. Будь храбрым, даже если ты маленький. (Положительный пример: я.)

7. Прежде чем кого-нибудь спасти, выясни, кого ты спасаешь! (Отрицательный пример: тетка Хемулихи.)

Пока я обдумывал все эти важные истины, пароход миновал последний островок; сердце внезапно подскочило у меня в груди, и я воскликнул:

– Фредриксон! Впереди – море!

Наконец Что-то случилось! Прямо передо мной – сверкающее, лазурное, сказочное море!

– Оно слишком большое! – захныкал Шнырек и заполз в свою банку. – Извините, но у меня болят глаза, и я не знаю, что и думать!

– Зато оно голубое и мягкое! – закричал Юксаре. – Давайте поплывем туда и будем только спать, качаясь на волнах, и никогда никуда не вернемся...

– Как хатифнатты? – спросил Фредриксон.

– Кто, кто? – поинтересовался я.

– Хатифнатты, – повторил Фредриксон. – Они только и знают, что плывут да плывут... Нет им покоя.

– Вот именно! – обрадовался Юксаре. – И никогда не спят, они спать не могут. Они не могут даже говорить, они только стремятся доплыть до горизонта.

– И удалось это кому-нибудь из них? – полюбопытствовал я.

– Этого никто не знает, – пожал плечами Юксаре.

Мы встали на якорь у скалистого берега. Даже сегодня мурашки пробегают у меня по спине, когда я шепчу про себя: "Мы встали на якорь у скалистого берега... Впервые в жизни видел я рыжие скалы и прозрачных медуз; это удивительно маленькие, похожие на прозрачные зонтики существа, способные дышать и двигаться".

Мы вышли на берег – собирать ракушки. Хоть Фредриксон и уверял, он, мол, хочет обследовать место стоянки судна, что-то подсказывало мне: и он втайне заинтересовался ракушками. Прибрежные скалы перемежались с песчаными бережками, и камешки здесь лежали совершенно гладкие и круглые, как мячик, или вытянутые, как яйца.

Вода была такой чистой и прозрачной, что под ее зеленоватой толщей просматривалось волнистое песчаное дно. Скалы нагрелись от солнца. Ветер улегся, и на горизонте не было ничего, кроме светлой водной глади.

Огромный мир казался мне в ту пору беспредельным, а все маленькое куда более приятным, чем сейчас. Все маленькое было моим, не знаю, понятно ли вам, что я имею в виду... И как раз в эту минуту мне в голову пришла новая важная мысль.

Любовь муми-троллей к морю, должен быть, врожденная, и я с удовлетворением вижу, как она пробуждается и в моем сыне.

Но, дорогой читатель, согласитесь, что суша вызывает у нас еще более сильное восхищение.

Когда плывешь по морю, горизонт представляется бесконечным и непоколебимым. Нормальные же мумитролли больше всего любят переменчивое и причудливое, неожиданное и своеобразное: берег, который и земля и вода, солнечный заход, который и мрак и свет, и весну, которая и холод и тепло.

Но вот снова наступили сумерки. Они опустились совсем бесшумно, сгущались медленно и осторожно, чтобы у дня хватило времени устроиться на ночлег. Розоватый западный край неба с разбросанными по нему маленькими тучками был похож на взбитые сливки, и все это отражалось в воде. Море было блестящим, как зеркало, и не таило в себе никакой опасности.

– Видел ты когда-нибудь тучу близко? – спросил я Фредриксона.

– Да, – ответил он. – В книге.

– Мне кажется, она похожа на небесный мох, – заметил Юксаре.

Мы сидели на склоне горы. Приятно пахло водорослями и чем-то еще, должно быть, морем. Я чувствовал себя таким счастливым и даже не боялся, что это чувство исчезнет.

– Ты счастлив? – спросил я у Фредриксона.

– Здесь хорошо, – смущенно пробормотал Фредриксон (и я понял, что он тоже счастлив).

И тут мы увидели целую флотилию маленьких лодок. Легкие, как бабочки, они скользили по своему собственному отражению в воде. В лодках, тесно прижавшись друг к другу, молча сидели какие-то серовато-белые существа. Их было очень много, и они неотрывно глядели в море.

– Хатифнатты, – произнес Фредриксон. – Плывут с помощью электричества.

– Хатифнатты, – взволнованно прошептал я. – Те, что только и знают плыть да плыть и никогда никуда не приплывают...

– Они заряжаются во время грозы, – объяснял Фредриксон. – И тогда жгут, как крапива. И еще они ведут порочный образ жизни.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

- Порочный образ жизни? – очень заинтересовался я. – Что это значит?
- Точно не знаю. Наверно, топчут чужие огороды и пьют пиво.

Мы долго глядели на хатифнаттов, уплывающих навстречу бесконечному горизонту. И у меня зародилось странное желание последовать за ними и тоже вести порочный образ жизни. Но вслух об этом я не сказал.

- Ну а завтра мы выйдем в открытое море? – внезапно спросил Юксаре.

Фредриксон взглянул на "Морской оркестр".

- Это же речной пароход, – с задумчивым видом сказал он. – Ходит на водяных колесах. Без парусов...

- Мы сыграем в орлянку, – сказал, поднявшись, Юксаре. – Шнырек, давай сюда пуговицу!

Шнырек, собиравший ракушки в прибрежной воде, пулей выскочил на берег и начал высыпать содержимое своих карманов.

- Одной пуговицы хватит, дорогой племянник!

– Пожалуйста! – обрадовался Шнырек. – Какую лучше, с двумя или с четырьмя дырочками? Костяную, плюшевую, деревянную, стеклянную, металлическую или перламутровую? Однотонную, пеструю, в крапинку, полосатую или клетчатую? Круглую, овальную, вогнутую, выпуклую, восьмиугольную или...

- Можно обыкновенную брючную, – остановил его Юксаре. – Ну, я бросаю. – И он закричал: – Орел! Уплываем в море! Что случилось?

- Дырочка сверху, – объяснил Шнырек и прижался носом к пуговице, чтобы получше разглядеть ее в сумерках.

- Ну! – сказал я. – Как она лежит?

В этот миг Шнырек взмахнул усами, и пуговица скользнула в горную расселину.

- Ай! Извините! – воскликнул Шнырек. – Хотите другую?

- Нет, – сказал Юксаре. – В "орел или решку" можно играть один раз. А теперь будь что будет, но я хочу спать.

Мы провели довольно мучительную ночь на борту парохода. Одеядо было неприятно клейким, словно измазанное патокой, дверные ручки – липкими; зубными щетками, домашними туфлями и вахтенным журналом Фредриксона пользоваться было нельзя!

- Племянник! – с упреком сказал он. – Это называется ты сегодня убирался?

- Извините! – воскликнул Шнырек. – Я вовсе не убирался!

- И в табаке полно мусора, – проворчал Юксаре, любивший курить в постели.

В общем, все было очень неприятно. Однако малопомалу мы успокоились и свернулись клубочками на менее клейких местах. Но всю ночь нам мешали странные звуки, которые, казалось, доносились из навигационной каюты.

Меня разбудил какой-то необычный и зловещий звон пароходного колокола.

– Вставайте! Вставайте и посмотрите! – кричал за дверь Шнырек. – Кругом вода! Как величественно и пустынно! А я забыл на берегу самую лучшую свою тряпочку, которой вытирают перья!

Мы выскочили на палубу. "Морской оркестр" как ни в чем не бывало плыл по морю, лопастные колеса вертелись спокойно и уверенно, и было в этом какое-то таинственное очарование.

Даже сегодня я не могу понять, как это Фредриксону с помощью двух шестеренок удалось придать пароходу такой плавный и быстрый ход. Однако любые предположения здесь все равно бесплодны. Если хатифнатт может передвигаться с помощью собственной наэлектризованности (которую некоторые называли тоской или беспокойством), то никого не должно удивлять, что кораблю достаточно двух шестеренок. Ну ладно, я оставляю эту тему и перехожу к Фредриксону, который, нахмутив лоб, разглядывал обрывок якорного каната.

- Как я зол, – бубнил он себе под нос. – Просто страшно зол. Никогда так не злился. Его изгрызли!

Мы переглянулись.

- Ты ведь знаешь, какие у меня мелкие зубы, – сказал я.

- А я слишком ленив, чтобы перегрызть такой толстый канат, – заметил Юксаре.

– Я тоже не виноват! – завопил Шнырек, хотя оправдываться ему было совсем не за чем.. Никто никогда не слышал, чтобы он говорил неправду, даже если речь шла о его пуговичной коллекции (что достойно удивления, ведь он был настоящим коллекционером). Видно, у этого зверька было слишком мало фантазии.

И тут мы услышали легкое покашливание, а повернувшись, увидели очень маленького клипдасса. Он сидел под тентом и щурился.

- Вот как, – сказал Фредриксон. – Вот как?! – с ударением повторил он.

- У меня режутся зубки, – смущенно объяснил маленький Клипдасс. – Мне просто необходимо что-нибудь грызть.

- Но почему именно якорный канат? – удивился Фредриксон.

- Я подумал, что он очень старый и не страшно, если я его перегрызу, – оправдывался Клипдасс.

- А что ты делаешь на борту? – спросил я.

- Не знаю, – откровенно признался Клипдасс. – Иногда меня осеняют разные идеи.

- А где же ты спрятался? – удивился Юксаре.

И тогда Клипдасс не по годам умно ответил:

- В вашей чудесной навигационной каюте! (Точно, навигационная каюта оказалась тоже клейкой.)

- Послушай-ка, Клипдасс, что, по-твоему, скажет твоя мама, когда узнает, что ты сбежал? – спросил я.

- Наверно, будет плакать, – ответил Клипдасс, заканчивая эту удивительную беседу.